

РАБОТА А. А. ФАДЕЕВА НАД РОМАНОМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» *

В. Г. БОБОРЫКИН

Историю и литературу связывают давние, едва ли не в пору их младенчества возникшие отношения. История дает литературе темы, сюжеты, образы героев. Литература помогает истории сберечь картины минувших событий во всем их жизненном многоцветии и, случается, восстанавливает, пусть и гипотетически, такие черты прошлых эпох, о которых наука не сохранила необходимых данных.

У литературы свои законы. Литератор должен так рисовать людей и события любой эпохи, чтобы они были человечески понятны и близки читателям. С этой целью он создает обобщенные образы, соединяя в одном лице черты разных лиц, в том числе и некоторые черты своих современников. Он подчеркивает и заостряет одни явления действительности, наиболее близкие людям его времени, в ущерб другим, быть может, по убеждению исследователя, не менее важным. Стремясь обогатить факты, как обогащают только что добытую руду, восстановить их недостающие звенья, передать мысли и чувства героев истории, он широко использует вымысел, что уже совершенно чуждо историку.

Бывает, что, следуя в своем изображении событий логике человеческих характеров, писатели совершают открытия, которых не может отвергнуть и наука. Еще чаще бывает, что невольный субъективизм приводит их к произвольному толкованию исторических данных.

Все это тем более важно, что исторические произведения имеют огромное значение для изучения истории массами. Да и людям науки полезно заглянуть в творческую лабораторию писателя и познакомиться с тем, как работает над историческим материалом художник, человек, пользующийся иными, чем они, методами и принципами исследования этого материала.

«Молодая гвардия» Фадеева представляет самую благодатную почву для таких наблюдений. Во-первых, этот роман посвящен событиям недавнего прошлого, которые еще свежи в памяти. Во-вторых, он написан по горячим следам событий и сыграл немалую роль не только в их изображении, но и в их историческом исследовании. Кстати сказать, именно после выхода романа в свет Краснодар стал местом паломничества многочисленных экскурсионных групп и там был создан музей «Молодой гвардии» с широкой экспозицией, богатым архивом и целым штатом научных работников.

Но задачи чисто исторического исследования Фадеев решал как художник. Поэтому и трудности, которые он при этом испытывал, и открытия, которые по ходу работы делал, и ошибки, которых не сумел избежать, особенно интересны и поучительны.

* Публикуя статью В. Г. Боборыкина, редакция продолжает разговор о советском историческом романе, начатый в статьях В. Т. Пашуто (1963, № 1) и Г. М. Ленобла (1964, № 6).

Появление в печати первых глав фадеевского романа всего двумя годами отдалено от тех подлинных событий, которые в нем изображены.

14 февраля 1943 г. наступающие от Сталинграда советские войска освободили небольшой донецкий город Краснодон. В тот же день местные жители рассказали советскому командованию о разыгравшейся здесь трагедии.

Незадолго до своего бегства из Краснодона гитлеровцы раскрыли в городе крупное молодежное подполье. Не менее 60 юношей и девушек 16—17-ти лет были расстреляны или живыми сброшены в шурфы шахт.

Один из армейских корреспондентов сообщил обо всем этом в ЦК ВЛКСМ. В Краснодон немедленно выехала специальная комиссия ЦК. Около полугода комиссия собирала материалы о деятельности «Молодой гвардии». В ее руках оказались дневники молодогвардейцев, написанные ими листовки, их оружие, записки из тюрьмы, стенограммы бесед с родителями погибших ребят, отчеты немногих оставшихся в живых участников подполья.

Большая папка этих материалов была передана А. Фадееву, к которому ЦК комсомола обратился с просьбой написать о «Молодой гвардии» книгу. Фадеев, как вспоминают его родственники, просидел над ними, не отрываясь, целую ночь. Картина развернувшейся перед ним героической драмы потрясла писателя.

Несколько лет спустя, когда фадеевская «Молодая гвардия» уже вышла в свет, писатель рассказывал своим товарищам по перу:

«Очень было бы интересно посмотреть этот материал. Он составляет большую папку стенограмм, дневников молодежи, фотоснимков. Когда начинаешь его читать, не можешь оторваться, он так полон жизнью, что сам материал можно читать, не отрываясь. Если бы в сыром виде вышла такая книга, она читалась бы, читалась и читалась»¹.

Не довольствуясь, однако, этим материалом, Фадеев в сентябре 1943 г. сам выехал в Краснодон. Он прожил там почти месяц, изучая историю города, был краснодонцев, подробности боевой работы подполья, беседуя со многими людьми, «от рядовых шахтеров до самых крупных политических руководителей»².

Предварительную подготовку к работе над книгой писатель продолжал и в Москве. В его архиве сохранились и записки специалистов с ответами на его узкоспециальные вопросы, и письма краснодонцев, с которыми он вел интенсивную переписку, и газеты с материалами о действиях подпольщиков в других городах, и даже крупномасштабная карта Луганской области со всеми городами, поселками и хуторами, окружавшими Краснодон.

Поначалу свою задачу Фадеев видел, очевидно, в том, чтобы создать небольшую чисто документальную повесть и бережно сохранить в ней все факты подлинной истории краснодонского подполья. В феврале 1944 г., когда работа над книгой только еще была начата, он писал одному из своих друзей: «Надеюсь в ближайшие месяцы закончить повесть о молодогвардейцах Краснодона». А летом того же года он рассказывал другому товарищу: «Осталось всего несколько глав. В ближайшее время надеюсь закончить»³.

Прошло, однако, еще добрых полтора года непрерывной работы, прежде чем «Молодая гвардия» была завершена писателем. И оказалась она не небольшой документальной повестью, которую художник, действительно, мог бы написать за несколько месяцев, а крупным и мно-

¹ Архив СП СССР. Стенограмма выступления А. Фадеева при обсуждении «Молодой гвардии» в СП СССР в феврале 1947 г.

² Там же.

³ «А. Фадеев в воспоминаниях дальневосточников», Владивосток, 1960.

гоплановым романом, в котором исторические документы играют скорее подсобную, чем главную роль.

Фадеев имел веские основания для таких изменений в своем первоначальном замысле. Дело в том, что в свои 16 лет он сам участвовал в подпольной работе. И обстоятельства этой работы были очень близки к тем, что сложились в Краснодаре. Краснодарская драма представляла, таким образом, для него глубоко личный интерес. Да и талант художника не позволял ему оставаться только летописцем событий. Это вовсе не значит, что у него возникла потребность как-то перетасовать факты или подменить их другими. Напротив, он до конца работы старался сохранить их и соблюсти исторические пропорции. Но постепенно факты утратили для него самостоятельную ценность. Его все больше занимало не то, как молодогвардейцы распространяли листовки или уничтожали гитлеровцев, а то, что они при этом испытывали и как вообще решились на борьбу с таким жестоким и сильным врагом и какие силы души помогли им выстоять в нечеловечески трудных испытаниях. Увидеть все это и как можно убедительнее раскрыть читателю, показать необыкновенную духовную красоту своих юных героев и самую природу этой красоты — вот что стало главной целью писателя.

На первый взгляд, такой подход к изображению исторических событий еще ничего не меняет. Разве нельзя, например, излагая со строгостью летописца все подробности событий, показать попутно предполагаемые автором ощущения, мысли, чувства их участников? Конечно, можно. Книги В. Федорова, П. Вершигоры, Д. Медведева о партизанах и подпольщиках Отечественной войны именно по такому принципу и построены. Но зато и художественные достоинства этих книг значительно уступают достоинствам фадеевского романа.

Читатель «Молодой гвардии» не просто узнает определенную сумму сведений о героях книги, в том числе и об их внутреннем состоянии, о ходе их мыслей или рассуждений, но он видит их лица, живет их чувствами, ощущает факты так, словно это факты его собственной жизни.

Когда писатель создает художественные картины действительности и живые, по-человечески близкие читателю образы людей, он не может сохранить справедливое беспристрастие историка и воздать должное каждому герою и каждому реальному факту. Фадеев столкнулся с этим противоречием, как только от работы над документальной повестью перешел к работе над романом.

В сущности говоря, это роман о той драме, которая была пережита всем народом на первом этапе войны. И то, что испытывают будущие подпольщики в канун оккупации и в первые дни ее, то, как зреют для борьбы их силы, как вскипает их ненависть к оккупантам, служит выражением лишь некоторых штрихов того нравственного состояния, которое испытывал в дни вражеского нашествия весь советский народ.

Чтобы показать юных подпольщиков во всю глубину их внутреннего мира, чрезвычайно богатого, несмотря на их молодость, Фадееву надо было сосредоточить внимание на нескольких ярких фигурах и, быть может, даже соединить в некоторых из них черты разных лиц, создать обобщенные образы. Но он имел дело с реальными людьми и отнюдь не с несколькими. Одних активистов «Молодой гвардии», чьи подвиги нельзя было обойти, насчитывалось не меньше тридцати человек. Каждому из них надо было уделить известное внимание. И это очень сковывало писателя.

Впрочем, лучше всего об этом говорит сам Фадеев: «Явный недостаток, которого я не мог избежать, — это чрезмерное обилие действующих лиц; здесь я был связан историческими обстоятельствами. Меня спрашивают, представляло ли для меня трудность то, что это действительные люди? Нет, ... это необычайно облегчило мою работу, я бы никогда, если

бы выдумывал, не мог писать так быстро во всеоружии, как смог писать на действительном материале, потому что его было так много, что я мог свободно маневрировать, брать что хочу. Но трудность была в том, что я не имел права в угоду профессиональному, художественному вымыслу выбрасывать фигуры, которые мне показывать было не нужно. Достаточно сказать одну простую вещь: насколько был велик соблазн после поездки Кошевого и Громовой во время эвакуации в степи связать имена Кошевого и Громовой дружеской романтической связью... Во-первых, это дало бы мне возможность гораздо шире развернуть обе эти фигуры, во-вторых, совершенно убрать фигуру Нины Иванцовой, которая в реальной жизни была подругой Кошевого. Но я не имел права этого делать.

Зачем мне были фигуры Виктора Петрова и Анатолия Попова? Я не мог выбросить Виктора Петрова, который осуществлял главную операцию при освобождении военнопленных. Раз ты уже взял живые фигуры, то нельзя подвиги одних приписывать другим. Это будет оскорблением по отношению к их памяти, по отношению к оставшимся живым людям. Это заставило меня вовлекать еще ряд фигур. Я мог не всех показать, но приписать что-нибудь от одного другому я не имел никакого права. Поэтому я старался в отношении целого ряда эпизодических фигур найти какие-то отметины, которые бы заставляли их запомнить. Но это мне очень мешало. Это заняло жилплощадь, которую я мог бы отвести для других и сами они остались недостаточно очерченными... я бы мог сократить эти фигуры и расставить их так, чтобы больше на них остановиться. Но история меня связывала по рукам и ногам...»⁴.

Насколько же объективна нарисованная Фадеевым картина? Нет ли в ней искажения исторической правды? И в какой мере использовал писатель для ее выражения реальные факты?

Летом 1942 г. немцы, сосредоточив на Южном фронте огромные силы, сломили сопротивление советских войск и перешли в стремительное наступление. Две колонны их армий охватили всю Луганскую область с севера и юга и вышли к Дону, прежде чем советские военные и политические руководители успели вывести из этого мешка и все войска, и эвакуированное население. Многотысячные массы беженцев оказались во власти врага и вынуждены были возвратиться в свои уже занятые им города и села.

Это были исторические факты, которыми открывалась ближайшая предыстория краснодонских событий, и Фадеев излагал их так же точно и скупко, как сообщалось о них в сводках военного командования:

«23 июня наши войска отошли на Харьковском направлении. 2 июля завязались бои на Белгородском и Волчанском направлениях с перешедшим в наступление противником. А 3 июля, как гром, разразилось сообщение по радио, что нашими войсками после восьмимесячной обороны оставлен город Севастополь.

Старый Оскол, Россошь, Кантемировка, бои западнее Воронежа, бои на подступах к Воронежу, 12 июля — Лисичанск...»

Такими сводками Фадеев размечал абсолютно точную общую схему событий. Но в пределах того маленького отрезка истории, который они очерчивали, писатель вовсе не придерживался строгого документализма. Он свободно домысливал и поступки героев, хотя это были реальные лица, и духовное их состояние и взаимоотношения.

Этим методом писатель пользовался в ходе всей работы над романом. Черновой набросок каждой главы или группы глав, содержанием которых служил какой-либо новый этап событий, Фадеев начинал с широкого обзора этих событий. Правда, характер таких обзоров по мере

⁴ Архив СП СССР. Стенограмма выступления А. Фадеева при обсуждении «Молодой гвардии» в феврале 1947 г.

развития действия менялся. В первых главах романа они напоминали фронтовые сводки. Но начиная с тех его глав, где изображены появление немцев в Краснодаре и постепенное удаление фронта, главным их содержанием становится общая характеристика действительности, складывавшейся на оккупированной врагом земле.

Вот, в частности, обзор, открывающий черновой набросок 27-й главы романа.

«Как мучительно ни тяжел был произвол немецких солдат и офицеров при этом непрерывном потоке двигавшихся на фронт основных масс немецких войск, как ни страшны были эти непрерывно меняющиеся по-разному глупые и жестокие и капризные воюющие немцы от самого рядового солдата до барона фон Венцель, с их внезапными проявлениями насилия, воровства, животности,—но все это было ничто по сравнению с тем ужасным в своей обыденности, в своей бессмысленной, беспросветной тупой жестокости режимом мирного существования в условиях провинции великого германского «рейха», режимом, установившимся после того, как фронт откатился далеко-далеко на восток и юго-восток, и, казалось, укрепившимся уже навечно.

То, что этот фронт находился очень далеко, местные жители знали потому, что уже во второй половине августа снялись из Краснодона тылы немецких армий— штабы, интендантства, ушел тыловой автопарк и повсюду были сняты зенитки...

То, что фронт где-то существует, жителям было известно потому, что в направлении на восток, по железным и грунтовым дорогам на поездах и машинах подавались боеприпасы, вооружение, продовольствие и двигались части на подкрепление, теперь, главным образом, румыны. И непрерывно гнали с востока на запад в пешем порядке большие и малые группы, иногда целые колонны измученных, голодных, изнуренных жарой и жаждой, оборванных, избитых советских военнопленных. Он, этот фронт, существовал где-то очень далеко...

Единственная газета на украинском языке, выходившая в Ворошиловграде, «Нове життя» писала, что советский фронт развалился и против немцев бьются на востоке одни калмыки во главе с англичанами. По улицам и на базарах расклеивались крупные, на добротной бумаге плакаты с фотографиями, изображавшими немецкие танки на Невском проспекте, немецких офицеров на пляже у Петропавловской крепости, немецких солдат, прогуливающихся с русскими девушками по набережной Сталинграда.

Распространялись слухи о том, что Москва тоже взята.

И в городе так же прочно, как бы на всю жизнь, укрепились власти,— их уже все знали, их никто уже не путал»⁵.

Легко заметить, что в этом обзоре для автора важны уже не столько общие контуры исторических событий, сколько та атмосфера, которую они создают. Однако и в этом новом своем значении такие обзоры играли для писателя чисто служебную роль. Здесь он сосредоточивал наиболее важные документальные данные, к которым специально обращался время от времени, чтобы действие романа не выбивалось из рамок исторического повествования. Эти обзоры служили и своеобразными вехами, которые устанавливал художник, пройдя один участок сюжета и начиная другой. Наконец, они выделяли для него круг событий, которые вносили нечто новое и в душевное состояние героев, и в поведение их, и в развитие их судеб.

По мере того как они выполняли свое назначение, Фадеев либо исключал их из текста, сокращая от одного варианта главы к другому, либо оставлял в качестве авторских отступлений, чтобы несколько расширить сюжетную канву романа. Но после того как определенный этап

⁵ ЦГАЛИ, Архив Фадеева, ф. 1628.

краснодонской эпопеи отчерчивался такими вехами, после того как художнику удавалось уловить нравственную, бытовую, психологическую атмосферу, порожденную новым поворотом событий, он уже продолжал свой рассказ, не очень строго придерживаясь фактов.

Собственно, все факты, исключая лишь те, которые касались поведения молодогвардейцев в тюрьме, Фадеев использовал только после более или менее значительной их переплавки. Почти все, что написано, например, им о первом краснодонском подпольщике Сережке Тюленине до возвращения его в Краснодар с передовой, соответствует тому, что рассказывают о Сергее его родственники. Но если бы писатель так же строго следовал фактам, описывая начало сережкиной подпольной деятельности, фигура Тюленина заняла бы неправомерно большое место в сюжете романа.

Сергей первым начал вести разведывательную работу, первым начал собирать оружие, писать и расклеивать листовки. Он сделал себе немалый запас бутылок с горючей смесью и этими бутылками сжег городскую баню, которой завладели расквартированные в Краснодаре и проходящие немецкие части.

Чтобы описать все его дела, понадобилось бы несколько специальных глав. А это нарушило бы сюжетные пропорции романа. И вот вместо многих подлинных эпизодов одиночных операций Сергея появился один вымышленный — поджог немецкого штаба. Этот подвиг Тюленина, пожалуй, даже не уравнивал всех реальных его дел. Зато его изображение позволило писателю очень экономно и вместе очень убедительно показать все ощущения юноши, когда он впервые лицом к лицу встретился с немцами, рассмотрел их вблизи, услышал их голоса, когда закипела в нем глубоко личная ненависть к ним и он стал испытывать острую потребность немедленных и решительных действий.

В некоторых случаях переплавка реальных фактов носила иной характер.

В отчете Ивана Туркенича, командира «Молодой гвардии», который избежал ареста, но полтора года спустя погиб в боях на Висле, содержится рассказ о том, как молодогвардейцы повесили двух краснодонских полицаяв. Это была первая операция, когда ребятам довелось физически уничтожать врагов. Рассказ Туркенича создает известное представление о смелости и находчивости юных подпольщиков, о том, как беспощадны были они к изменникам Родины.

Фадеева в данном случае интересовал, однако, не внешний эффект осуществленной ребятами кары, а их нравственное состояние, когда на жестокость врага они впервые решили ответить жестокостью. Так появился в романе эпизод казни полицая Фомина со всеми предшествующими ему юридическими процедурами, которые понадобились подпольщикам, чтобы легче было «переступить через это», и чрезвычайно тонким анализом пережитых им ощущений.

Но творческий вымысел использовался Фадеевым не только тогда, когда ему необходимо было раскрыть сущность фактов или типизировать создаваемые им картины событий. Именно творческий вымысел помог писателю избежать некоторых тяжелых ошибок. И особенно важно, что «Молодая гвардия», вопреки первоначальным документальным данным, не изолирована в романе от того широкого подпольного движения, которое организовала партия в оккупированных областях, а изображена в живой, пусть и недостаточно подчеркнутой связи с ним.

Документов, касающихся партийного подполья, ни среди материалов ЦК комсомола, ни среди собственных находок Фадеева не оказалось. Но в ходе работы над произведением, в котором писатель обязан был дать обобщенные и типизированные картины действительности, он не мог обойти решение вопроса: что же все-таки случилось с партийным подпольем, которое, несомненно, было оставлено в Краснодаре. Если это

подполье, очевидно, хорошо подобранное и заранее подготовленное, провалилось в первые дни своей работы, а стихийно возникшая и по логике вещей гораздо менее опытная молодежная организация уцелела почти до конца оккупации, то это, должно быть, объяснялось какими-то общественно важными, а возможно, и исторически важными причинами.

Изучая опыт других подпольных организаций и, в частности, некоторых организаций в той же Луганской области, писатель пришел к выводам, которые и решил использовать в романе. И тут ему пришлось домыслить не какой-нибудь отдельный эпизод, а целую сюжетную линию. Речь идет о линии Матвея Константиновича Шульги.

Никакого Шульги в Краснодоне не было. Но из бесед с луганскими коммунистами и участниками подпольной борьбы в других районах страны, подвергавшихся оккупации, Фадеев узнал, что многие подпольные группы проваливались из-за того, что руководители их не доверяли людям, подозрительно относились даже к старым своим друзьям, в подборе людей опирались только на анкетные данные, скрепленные печатями и подписями вышестоящих руководителей. Одного из таких подпольщиков, с его чрезвычайно драматичной и очень типичной для того времени судьбой, Фадеев и сделал героем романа.

Собственно, Шульга, как рассказывал писатель при обсуждении «Молодой гвардии» в СП СССР, был даже не выдуман им, а просто перенесен в сюжет романа из подлинной истории другой подпольной группы. История Шульги и связанных с ним лиц помогла писателю объяснить провал партийного подполья. Но она не решала другой проблемы. Выходило, что «Молодая гвардия» и сложилась и действовала без всякой поддержки со стороны партийных руководителей.

Как ни любил Фадеев своих героев, как ни верил в их организаторские способности, в их раннюю политическую зрелость, полная самостоятельность молодежного подполья не могла не вызывать у него сомнений. К тому же, если краснодонские комсомольцы и в самом деле оказались на диво зрелыми конспираторами и опытными бойцами, это никак нельзя было считать явлением типическим. И хотя Фадеев не располагал никакими фактами партийного руководства молодежью в дни оккупации, он еще в первом варианте романа создал довольно стройную картину такого руководства.

Первым организатором подполья является в романе Андрей Валько. Именно по его указаниям начинают действовать и Олег Кошевой, и Люба Шевцова, и Иван Туркенич. После гибели Валько молодогвардейцы устанавливают связь с областным подпольем. Наконец, известную помощь оказывает им и самостоятельная группа Кистринова-Кондратовича.

Конечно, все это нельзя считать ни постоянной помощью, ни тем более постоянным руководством, в котором, безусловно, очень нуждалась молодежь. Но и то, что в этом смысле было сделано художником, вносило очень важные и исторически правильные коррективы в картину, которая складывалась на основе имеющихся у него документов.

Завершая разговор о соотношении реальных фактов и вымысла в романе Фадеева, надо сказать, что меньше всего писатель прибегал к вымыслу в последних главах, где рассказано об арестах молодогвардейцев и об их поведении в тюрьме, о пытках и казнях. Тут есть немало страниц, едва ли не слово в слово воспроизводящих то, что содержится в воспоминаниях людей, которые в течение известного времени сидели в одних камерах с юными подпольщиками, подвергались вместе с ними истязаниям и избежали казни только потому, что их непричастность к работе подполья была слишком очевидной. Это, к примеру, воспоминания Александры Васильевны Тюлениной, матери Сергея, Марии Андреевны Борц, матери Валерии Борц, учительницы Александры Щербаковой из поселка Краснодон и др.

И то, как Уля Громова читала в камере «Демона», и эффектное появление Любки Шевцовой, и пение песен девушками, и карикатура на ребят, которые «носы повесили», и эпизод пытки Сергея Тюленина, и даже то, что в часы пыток в приемной сидела жена начальника полиции Соликовского с дочкой, ожидая, когда муж освободится от «работы», — все эти и многие другие такие же подробности прямо взяты Фадеевым из воспоминаний очевидцев. Он и сам говорил об этом при обсуждении романа: «Я это так все и переписал. Этого нельзя придумать»⁶.

Возможно, однако, что дело не только в том, что «этого нельзя придумать». И эти, и некоторые иные эпизоды, взятые писателем из документов и почти без изменения перенесенные в роман, напоминают кадры документального кино в художественном фильме. Это своеобразный художественный прием, и он очень тонко использован Фадеевым.

Но даже такая умышленная документализация части глав принесла роману и известный ущерб. Отдавшись во власть подлинных фактов истории, да еще таких потрясающих фактов, Фадеев невольно подрезал крылья собственной фантазии. Он уже не смог вырваться из плена документов, чтобы так же свободно, как в начале романа, окинуть взглядом события, и породившие «Молодую гвардию» и сопровождавшие ее гибель. Действие романа в финале, по справедливым замечаниям критиков, предельно сузилось. Картина широкого народного движения, частью которого было краснодонское подполье, не получила своего сюжетного завершения. И это несколько ослабило силу воздействия романа на читателя.

Однако в целом «Молодая гвардия» Фадеева оказалась произведением выдающимся. Выход его в свет был крупным событием не только литературной, но и всей общественной жизни страны. Популярность этой книги необычайно велика. И в значительной мере такая популярность объясняется тем, что речь в романе идет о реальных лицах и о подлинные исторических событиях.

* * *

Едва роман появился на страницах «Комсомольской правды» и журнала «Знамя», как в адрес краснодонских общественных организаций и в адрес писателя стали поступать сотни и тысячи писем от читателей. Подавляющее большинство их содержало изъявление горячей благодарности автору. Но в некоторых письмах Фадеев нашел и критические замечания и даже серьезные упреки.

Среди читателей исторического романа часто оказываются если не участники описываемых в нем событий, то их исследователи, которые не могут согласиться с изображением или толкованием автором тех или иных фактов. Речь идет не о таких, разумеется, писателях, как А. Дюма или наш гораздо менее знаменитый соотечественник Загоскин, в романах которых история вообще приносилась в жертву чисто беллетристической занимательности. Конфликты с исследователями возникают и у тех писателей, которые чрезвычайно серьезно относятся к изучению и изложению исторического материала. Справедливые упреки в отступлении от исторической правды, когда это не могло быть мотивировано никакими художественными интересами, вызывали и произведения советских писателей А. Толстого, А. Чапыгина, Г. Шторма и даже такого добросовестного исследователя, как Ю. Тынянов. Очевидно, увлеченный выполнением своих художественных задач, писатель невольно теряет порой ту исследовательскую бдительность, которая отличает людей науки.

Особенно трудно писателю сохранить эту бдительность, когда он пи-

⁶ Архив СП СССР. Стенограмма выступления А. Фадеева при обсуждении «Молодой гвардии» в феврале 1947 г.

шет об исторических событиях своего времени, которые еще не только не проверены историческим опытом, но и недостаточно изучены. Тут ему еще труднее избежать весьма досадных и даже тяжелых ошибок.

Так случилось и с Фадеевым. В первой редакции романа писатель не показал реальных участников краснодонского партийного подполья, в некоторых случаях погрешил против фактов, когда это отнюдь не диктовалось соображениями творческого порядка. Но эти ошибки нельзя считать только его виной. Слишком много существенных неточностей было в самих материалах ЦК ВЛКСМ. В этих материалах не только ни словом не упоминалась группа Лютикова-Баракова, они и историю самой «Молодой гвардии» рисовали не вполне правильно.

В частности, в адресованном Советскому правительству письме ЦК комсомола о Краснодонском молодежном подполье неверно были указаны и время возникновения подполья, и его основные организаторы, и роль некоторых ребят в его создании. О Викторе Третьякевиче, бессменном комиссаре «Молодой гвардии», было сказано, что он «как не оправдавший доверия своих товарищей, был отстранен от руководства»⁷. (В некоторых других документах прямо указывалось, что Виктор Третьякевич в тюрьме не выдержал пыток и давал подробные показания.) В числе предателей, оказавшихся виновниками гибели подполья, были названы Зинаида Вырикова и Людмила Лядская. Основанием для подобных утверждений служили порою показания таких «свидетелей», как бывшие полицаи или тайные агенты полиции, представшие перед советским судом.

Позже, когда в Краснодон вернулись оставшиеся в живых и ушедшие на фронт молодогвардейцы, выяснилось, что Виктор Третьякевич до конца оставался комиссаром «Молодой гвардии» и в тюрьме вел себя с таким мужеством, что вызвал особую ненависть гитлеровцев.

Стала известна и невиновность Выриковой и Лядской, хотя последняя после одного из допросов, действительно, дала подписку, что будет работать тайным агентом полиции.

Это были ошибки тем более тяжелые, что они бросали тень на невиновных людей, а в случае с Виктором Третьякевичем — и на человека, достойного самого глубокого уважения. Фадеев, используя материалы ЦК комсомола, естественно, повторял такие ошибки, и в этом большой недостаток романа.

Сразу после появления «Молодой гвардии» в печати Фадеева обвинили во многих ошибках прежде всего сами участники и очевидцы событий. В частности, краснодонская учительница Колотович и дочь Филиппа Петровича Лютикова, действительного руководителя краснодонского партийного подполья, резко критиковали писателя за то, что он не показал партийной организации, которая существовала в оккупированном Краснодоне и очень успешно действовала почти до самого освобождения. Некоторое время спустя такие же обвинения, а вместе с ними и ряд других предъявила писателю газета «Правда».

Фадеев вернулся к «Молодой гвардии» и подверг ее значительной переработке. В 1951 г. вышел в свет новый вариант романа.

Сопоставление двух его вариантов с точки зрения работы писателя над историческим материалом представляет, пожалуй, особый интерес.

В первом варианте Фадеев строго придерживался главным образом тех фактов, которые имели несомненное историческое значение уже по своему масштабу. Обо всем, что касалось, например, хода дел на Южном фронте в целом или организации «нового» гитлеровского порядка в оккупированных областях, он писал как самый добросовестный летописец. Но главных героев романа и всю их деятельность он рисовал свободно, не отступая от фактов, когда это не расходилось с его творческими

⁷ ЦГАЛИ, Архив Фадеева, ф. 1628.

намерениями, и широко домысливая их, когда этого требовало яркое выражение существа событий. Это привело к неточностям, если говорить о правде факта, во многих, в основном мелких деталях. Зато общий ход событий и, главное, их дух были переданы писателем с глубоким историзмом. То, что в изображении Фадеева происходило во всей Луганской области и, в частности, в Краснодаре, было типично для очень многих областей, подвергшихся оккупации. Трагические картины отступления и беженства, организация областного и районного подполья, просчеты, которые при этом были допущены, и, как их результат, — разгром отряда, руководимого секретарем обкома Проценко, и провал подполья, руководимого Шульгой, создание новых отрядов и групп с учетом печального первого опыта и с использованием сил, поднявшихся в самом народе, — все это создавало очень живое и глубокое представление о том, как складывалась и развивалась народная война против фашизма.

При переработке романа Фадеев получил в свое распоряжение немало новых документов, собранных в Краснодаре научными и партийными работниками. Ему были переданы выписки из Луганского партийного архива, стенограммы бесед с женами Лютикова и Баракова, с квартирной хозяйкой Лютикова, с людьми, которые выполняли его отдельные поручения.

Работая над новыми главами, специально посвященными партийному подполью, писатель уже почти не подвергал реальные факты художественной трансформации и не отступал от сведений, которые содержались в документах.

Если сравнить документы и воспоминания, например с описанием в романе диверсии, совершенной Лютиковым на водокачке, или разговора Филиппа Петровича с женой и дочкой перед началом подпольной работы, или его беседы с Володией Осьмухиным, легко убедиться, что всякий раз писатель ограничивался беллетризованным изложением того, что было рассказано участниками или свидетелями этих сцен.

Это отнюдь не лучшим образом сказалось на художественных свойствах новых глав. Когда художник скован фактами и даже в деталях придерживается заданной схемы, когда труд его составляют не свободные поиски и открытия в стихии жизненного материала, а литературное переложение определенных данных, ему не удастся сделать это переложение таким же рельефным и волнующим, как все то, что он воспринимает и осмысливает по-своему.

С появлением глав о партийном подполье изображение краснодонских событий в романе стало более достоверным. Партийная группа Лютикова — Баракова, хотя у нее были свои особые и чрезвычайно важные задачи, действительно, немало внимания уделяла руководству «Молодой гвардией». И то, что писатель в первой редакции романа не показал ее роли, было и несправедливо и неправильно. Но для того, чтобы исправить эту несправедливость, в живую ткань произведения, которое успело обрести свою самостоятельную жизнь, были врезаны угловатые, не переплавленные фантазией художника вставки. Такая операция не могла, естественно, не оставить своих следов.

Переработка исторического произведения на основе каких-либо новых материалов далеко не всегда, разумеется, так трудно дается их авторам. В той же второй редакции «Молодой гвардии» есть несколько новых глав, которые ничуть не уступают лучшим главам первой редакции романа. Это главы, посвященные областному партийному подполью, секретарю обкома Проценко и его товарищам.

Казалось бы, здесь Фадеева должны были еще больше сковывать факты. Ведь речь идет о фигурах и событиях, значительно более крупных и важных. И тем не менее никакой напряженности и скованности в этих главах не ощущаешь. Вымышленные эпизоды легко сочетаются с точными историческими справками. Широкие обзоры событий кажутся неиз-

бежными и совершенно необходимыми в повествовании, хотя среди героев его нет ни одного подлинного участника этих событий.

Правда, их прототипами послужили реальные лица. И в образе самого Ивана Федоровича Проценко легко узнать подлинного руководителя областного Луганского подполья — Степана Емельяновича Стеценко, который со своим отрядом базировался в Митякинских лесах. Но ни именами этих прототипов, ни точным оттиском их характеров писатель себя не связывал. И он широко и смело, используя любые, какие необходимы были для общего замысла, вымышленные подробности, раскрывал их мысли, чувства, настроения, вызванные теми или иными обстоятельствами.

Эта внутренняя свобода позволила писателю не только создать живые, зримые образы героев и волнующие эпизоды их нелегкой работы, но и необычайно тонко передать тот подъем, ту нравственную атмосферу, которая царила среди всех советских людей в дни решительного наступления на врага и которая в свою очередь немало способствовала приближению победы.

* * *

Все те перипетии в судьбе «Молодой гвардии» А. Фадеева, о которых было рассказано выше, сопровождались известными неровностями в работе писателя над историческим материалом. Тем не менее общие особенности этой работы, кстати сказать, весьма типичные, совершенно очевидны.

Чем глубже проникает писатель в даль веков, тем дороже для него каждый документ, каждый след отгремевших некогда событий. В свою очередь исторические события наших дней дают чересчур обильный материал. И если в первом случае художник стремится оказаться во власти фактов, чтобы самому их пережить и ощутить их аромат, то в последнем для него важнее правильно разобраться в их взаимосвязи и отделить то, что современно в самом высоком смысле этого слова, от того, что всего лишь злободневно. Только при таких условиях художник сумеет создать произведение, историческое не по одному названию, а по своей сущности.

Есть романы, которые писались как исторические, но канули в лету уже через несколько лет после своего рождения. Есть романы, которые писались на современные темы, но выдержали проверку временем и получили почетное звание исторических от новых поколений. «Молодую гвардию» Фадеева вполне можно отнести к их числу.

